

ПОДВИЖНИКИ

РАБОТЫ критиков делаются, по-моему, на два вида. Одни побуждают запомнить мысли автора, другие — думать самому. Книга М. Ваняшовой «Мастера волковской сцены» — из числа последних. Среди трехсот ее страниц ни одной, где бы вновь говорилось о славных днях создания театра, лишь памятник Федору Волкову, изображенный на тыльной стороне картонного переплета, напоминает об этом. И тем не менее гордость первородства присутствует в каждой строке, присутствует как точка отсчета, как критерий оценки работы актеров, которым выпало счастье играть на старейшей сцене России.

«Дом Волкова» немолод, но он всегда был современен — это и стремится доказать Ваняшова. Сезон 1934/35 года, в театре — горьковские «Мещане», и людям особенно близки и понятны слова Нила: «Хозяин тот, кто трудится», «Права не дают, права берут», 1937/38 год — «Оптимистическая трагедия» Вс. Вишневского со знаменательной речью Комиссара в финале: «Гляди веселей, революция!.. Разве мыслимо остановить такую партию... Помни, что и смерть бывает партийной работой...» Во время войны на волковской сцене — «Фронт» Корнейчука и «Русские люди» Симонова; в послевоенные годы — «Персональное дело» Штейна и «Настя Колосова» Овечкина (кстати, театр первым в стране открыл эту пьесу), «Заговор обреченных» Н. Вирты; семидесятые годы — пьесы Шукшина, «Погода на завтра» Шатрова.

Ваняшова детально разбирает некоторые спектакли, но лишь в конце книги, в основном же работа оправдывает название «Мастера волковской сцены» — она об актерах, режиссерах и художниках ярославского театра. 16 человек, 16 несхожих талантов и судеб — 16 портретов-очерков, написанных в разное время. Надо отдать должное профессиональности автора — тут трудно не повздорить хоть в малом, но ей это удается, и портреты не схожи ни ракурсом, ни стилем, ни композицией — каждый решен по-своему. Объединены они любовью автора.

Да, М. Ваняшова любит своих героев и не скрывает этого, более того, она желает, чтобы и читатель полюбил их. И действительно, эти люди достойны любви и уважения уже за то, что они истинные подвижники искусства.

Ныне часто, имея в виду возросший уровень областных коллективов, говорят об исчезновении самого понятия «провинциальный театр». Но ведь провинциальный — отнюдь не синоним посредственному. Провинциальный театр — это особая широта репертура (он не

может быть только драматическим, только комедийным или детским); это специфический ритм работы (порой приходится давать до 10—12 премьер за сезон); это частые гастроли (по своей области, во-первых, во-вторых, по другим городам и, наконец, как премия, в столице); это своеобразная стилистика (театр должен иметь лицо, и в то же время для него неприемлема острая оригинальность, свойственная, например, Московскому театру на Таганке, ибо оригинальность специфична и как любая специя хороша в виде приправы и духовной пище, но одной ею сыт не будешь); это и уникальность традиции (помимо общих, присущих всему нашему искусству, есть еще и местные традиции, и кому, как не провинциальному театру их хранить и развивать); это неповторимые, не известные столичным театрам отношения со «своим» зрителем... Нет, если б и впрямь однажды исчезло само понятие «провинциальный театр», то для сценического искусства это было бы потерей столь же обидной, как для языка, например, превращение неторопливого говора северян и певучей южной скороговорки в московское «аканье». Провинциальный театр существует, а следовательно, существуют и его многочисленные проблемы, и люди, которым приходится их решать каждодневно.

Этому и посвятили свою жизнь актеры Г. Белов, А. Чудинова, Н. Кузьмин, Ю. Каравев, К. Незванова, В. Нельский, режиссеры И. Ростовцев, Ф. Шишигин, художник А. Левитан и их коллеги — люди, о которых с чувством признательности и нежности пишет М. Ваняшова.

Каждому из них автор находит свои слова, повествует об удачах, надеждах, триумфах, а подчас о незначительных, назалось бы, эпизодах их жизни, о поступках, назалось бы, не имеющих отношения к сцене, и в то же время ни слова об ошибках, срывах, просчетах, кои, конечно же, были и есть у любого актера. Это продиктовано, надо думать, не юбилейностью издания (книга вышла к 225-летию театра) и не слепой любовью автора. Нет. Но если в жизни, как замечал Л. Толстой, все счастливые семьи счастливы одинаково и несчастливые несчастливы по-своему, то в искусстве, пожалуй, наоборот. Все ошибки и просчеты одинаковы — они стандартны, а самообытность и неповторимость художника раскрывается лишь в удачах.

В предисловии автор говорит: «К сожалению, в книгу не вошли портреты всех волковцев, рамки издания не позволили этого сделать», и сказанное воспринимается не долгим вежливости, не литературным приемом. Прочтя книгу, этому легко верить, действительно, будь ее воля, М. Ваняшова могла бы написать о каждом актере труппы и даже о каждом рабочем сцены, и всем нашим бы особые слова.